

Максим Горький

# Биограф[ия]



Максим Горький  
**Биограф[ия]**

«Public Domain»

1893

## Горький М.

Биограф[ия] / М. Горький — «Public Domain», 1893

«Биограф» является продолжением «Изложения фактов и дум, от взаимодействия которых отсохли лучшие куски моего сердца». Написана, очевидно, вскоре после «Изложения». Отдельные эпизоды соответствуют событиям, описанным в повести «В людях». Трактовка событий и образов «Биограф» и «В людях» различная, так же как в «Изложении фактов и дум» и «Детстве». Начало рукописи до слов: «Следует возвращение в недра семейства моих хозяев» не связано непосредственно с «Изложением...» и носит характер обращения к корреспонденту, которому адресована вся рукопись, все воспоминания о годах жизни «в людях». Исходя из фактов биографии, следует предположить, что это обращение к О.Ю.Каминской, которая послужила прототипом героини позднейшего рассказа «О первой любви». Печатается впервые по рукописи, хранящейся в Архиве А.М.Горького.

# Содержание

Биограф [ия]	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

## Биограф [ия]

Она была одета в чёрное платье, чёрную бархатную кофточку с белыми меховыми оторочками и на голове имела широкую чёрную шляпу с множеством лент и белым большим пером. – Вы видите – моя дорогая – что я не игнорирую прекрасное, павшее на мою долю, и что я помню его со всеми мельчайшими подробностями. – Эта маленькая женщина была вашей предтечей, – что так очевидно! Она ещё тем была хороша, что сейчас же ушла, и таким образом то, что она дала мне, навсегда осталось чистым и целым. Вы, может быть, усмотрите в этом нечто намекающее и намеренное с моей стороны. Вы ошибётесь.

– Я вас люблю, и вы это знаете. Но как бы было хорошо, если б люди сеяли из желания оплодотворить почву, а не с целью собрать жатву! – Вот что я хотел сказать и знаю, что это глупо. Разве можно подозревать человека в бескорыстии и надеяться на него.

Следует возвращение в недра семейства моих хозяев.

– Выздоровел? – Вопрос гуманно-хозяйственный. – Книжек читать не станешь, небойсь? – Вопрос насмешливо предостерегающий. Этим заканчивается встреча, и снова начинается ряд однообразнейших безобразий, именуемых воспитанием сироты, дальнего родственника.

Я снова читаю книжки, ворую деньги на свечи и, наконец, пойман как раз на месте преступления, с пятиалтынным, только что вытащенным из кармана и крепко сжатым в руке. Следует допрос, строгий и всесторонне уясняющий. Побуждаемый желанием подзадорить судей ещё больше, я откровенно сознаюсь во всех грехах, неведомых им доселе, чувствую себя героем и до мельчайших деталей изъясняю, как я ревизовал карманы, умалчивая только о том, что уделял малу толику из наворованного и бабушке. – Получаю предварительную порку и обещание генеральной с двумя пожарными солдатами, как только прибудет дедушка.

Наступает ночь. Это была славная, манящая на волю весенняя ночь, из окна кухни я смотрел на небо, там всё было прекрасно, чисто и грустно, как всегда весенними ночами, впрочем, но та ночь была первой такой величественно ласковой и много обещавшей.

Поэтому я отворил окно, вылез на крышу и, оставив его открытым, слез с крыши на соседний двор, где, я знал, по ночам не запирались ворота, вышел на улицу и направился в поле. Ибо нигде так легко и хорошо не думается, как в поле. Но я не нашёл в ту ночь предметов, достойных дум, а просто лёг и стал смотреть, как горели и искрились звёзды, пока не уснул.

Проснулся оттого, что солнце жгло мне лицо. – Подумал, что надо идти к деду, – но вспомнил, что он говорил, и, зная его за человека, который не любит словами шутить, раздумал. Ворочаться туда, откуда убежал, даже и не подумал. Встал и пошёл.

Почему-то на набережную зашёл и остановился там смотреть, как пароход собирается отплывать. Есть хочется. Идёт человек в белой куртке и колпаке – повар, – в руках у него корзина с кучей французских булок. – Дяденька, дайте мне одну! – Пошёл ты!

– кричит тот. – Стой, погоди, идём со мной! – Этот неожиданный переход пугает меня тем более, что повар идёт на пароход, который сейчас уходит. Я вырываю руку. – Иди, дурашка, не бойся – я тебя так накормлю, что весь век сыт будешь. – Это он говорит так ласково и ободряюще, что у меня пропадает страх, и я вприпрыжку слеую за ним.

Мы приходим в кухню, всю из железа, плита раскалена, как уголь, приятно и вкусно пахнет, и жарко, как в печи. – Ешь и слушай. – Мне дают хлеба и холодных котлет, я ем и слушаю. – Хочешь быть поварёнком? – Так как рот у меня полон, то я говорю головой – да! – Через час я весь в поту старательно мою посуду, шмыгаю носом, утираю его рукавом рубахи, направо и налево плещу водой и всячески развожу вокруг себя грязь – что, взятое всё вместе, значит – «быть поварёнком»!

Мне понравилась эта бойкая, разнообразная впечатлениями жизнь с постоянной сменой лиц и картин природы. Повара и лакеи, конечно, были грязны и грубы и пошлы, но они любили меня за что-то, и за это, должно быть, я тоже любил их. Рабочий день начинался с шести часов утра и кипел безостановочно до десяти-одиннадцати вечера, а потом я уже был свободен от работы, и тут начиналось нечто непередаваемо хорошее и возвышавшее душу. Убрав кухню, я, иногда один, но большей частью в компании тех же поваров и лакеев, выходил на отвод парохода, мы приготавливали чай, ставили стол и долго сидели, разговаривая. Говорилось о разных житейских делах и о странных человеческих поступках, вызывавших мины и возгласы неодобрения у собеседников.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.